

ШАГНУВШИЙ В ХХІ СТОЛЕТИЕ (некоторые эпизоды-воспоминания об А.В. Брушлинском)

Зная о неизбежном вмешательстве субъективизма в интерпретацию поступков и действий человека, я стремился рассказать о А.В. Брушлинском так, как это было на самом деле, — используя факты, снизив до минимума эмоциональный аспект воспоминаний. Это очень важно для истории психологической науки, особенно для тех, кто будет воспринимать Андрея Владимировича по научным источникам, оставляя в стороне знания о нем как о человеке удивительной души и жизненной ценности.

Эпизод первый. Защита А.В. Брушлинским 15 декабря 1977 г. диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук “Психологический анализ мышления как прогнозирования”. Накануне защиты внезапно заболел официальный оппонент — В.Н. Пушкин, ученый совет утверждает четвертого оппонента — К.М. Гуревича. Обстановка не проста, возникает острая полемика между О.К. Тихомировым и А.В. Брушлинским по вопросу понимания соотношения дизъюнктивного и недизъюнктивного на человеческом и машинном уровнях. В сложившейся ситуации А.В. Брушлинский блеснул эрудицией, аргументированностью, культурой спора, напористостью, дипломатичностью; он не сдал в этой дискуссионной борьбе ни одной своей научной позиции и показал себя ученым, прокладывающим магистральные пути развития психологической науки и ее духовным лидером. Сидя в зале и фиксируя все происходящее, я понял, каким нужно обладать личным мужеством, быть компетентным и психологически зрелым исследователем, чтобы в разбушевавшемся море человеческих страстей одержать блестящую научную победу.

Эпизод второй. В декабре 1982 г. на заседании того же самого ученого совета состоялась моя защита докторской диссертации “Психологические симптомокомплексы и инварианты темперамента”. Собрался весь цвет психологической науки и среди них — жизнерадостный Брушлинский. Он всю многочасовую процедуру защиты простоял на ногах, хотя в зале были свободные места. Только после я осознал, что это означало. В моей диссертации впервые принципы теории систем применялись в исследовании структуры и типов темперамента, в докторской диссертации Брушлинского те же самые принципы теории систем — в исследовании мыслительного процесса. Он быстро уловил общее в разных темах, погрузился в

сопереживание, ничего не замечая вокруг себя: Брушлинский был влюблен в науку и думал о ней основательно в любых обстоятельствах.

И другой любопытный факт. Когда началась бурная и конструктивная полемика, Брушлинский молчал. Тогда это означало только одно: он не позволял себе непрофессиональных выступлений и строил свой авторитет на фундаментальной и адекватной основе (моя диссертация была из области психологии индивидуальных различий).

Эпизод третий. В 1989 г. я был приглашен на чествование столетия со дня рождения С.Л. Рубинштейна. Мой доклад, построенный с использованием положений Рубинштейна о субъекте деятельности и отражающий функциональную роль структур интегральной индивидуальности общающихся партнеров в затрудненной познавательной деятельности, был включен в программу симпозиума, руководимым Л.И. Анцыферовой. В зале присутствовал и А.В. Брушлинский. На каком-то этапе своего сообщения я произнес слова: “Жизнь Рубинштейна — настоящий научный подвиг”. В зале, где находилось много рубинштейновцев, раздались возгласы, аплодисменты и что-то патетическое. Тут же подошел ко мне Брушлинский, весь светящийся и безгранично радостный, и крепко пожал мне руку. Этого, и думаю, вполне достаточно, чтобы заключить, что Рубинштейн и Брушлинский — единое целое в делах и научных исканиях.

Эпизод четвертый. С исключительной ответственностью относился А.В. Брушлинский к организации и проведению крупных научных мероприятий. Я мог наблюдать за его поведением во время работы Учредительного съезда Российского Психологического Общества (1994) в период обсуждения программы деятельности и устава РПО, членов координационного Совета и Президиума РПО; на этапе реализации научной программы съезда и формирования редакционно-издательского органа РПО. Он внес существенный вклад в решение всех вышеперечисленных проблем. Специалисты благодарны ему за помощь в создании “Психологического информационного бюллетеня”, журналов “Иностранная психология”, “Ежегодник РПО”.

Таким же активным предстал передо мной А.В. Брушлинский на III Международных научных Ломовских чтениях “Принципы системности

в современной психологической науке и практике" (1996). Его выступление на Пленарном заседании отличалось глубиной анализа, он показал перспективы развития психологической науки в регионах и в центре.

Эпизоды, эпизоды, эпизоды... Кратковременных деловых встреч с Брушлинским на моем счету множество. С ним можно было обменяться информацией в его рабочем кабинете, по телефону (служебному и домашнему), в шумных коридорах института, на совещаниях, конференциях, защитах диссертаций и просто мимоходом. Он всегда находился в фокусе общающихся партнеров, обладал особой силой притяжения людей к себе и такой же силой воздействия на них. Особенно обстоятельно проходила встреча в его кабинете. Он всегда садился напротив и создавал обстановку непринужденной, доверительной и раскованной беседы; говорил ясно, емко, убедительно и конструктивно. Так было при обсуждении моей последней статьи, в которой он выделил ряд положений, позволивших ему объявить меня пионером в разработке проблем всеобщей индивидуальности. Как правило, встреча завершалась вручением памятного авторского или коллективного научного труда с автографом. Так я стал владельцем редчайших книг. А на коллективной работе Института психологии РАН "Психологическая наука в России XX столетия" А.В. Брушлинский написал: "Глубокоуважаемому Валерию Владимировичу — об одном из итогов нашего бурного двадцатого века. 22.IX.97 г."

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Брушлинский был яркой индивидуальностью, обладающий глобальными всеобщими характеристиками человека будущего. В его психологическом портрете можно было обнаружить интеграцию таких важнейших образований, как открытость и независимость от взглядов и убеждений отдельных персоналий; способность к выдвижению, разработке и осуществлению магистральных идей; умение выражать интересы разнотипных индивидуальностей; общепризнанный авторитет и духовное лидерство; масштабность интеллекта, глобальность и ответственность; опыт и разумность его использования и т.д.

Гармоничный сплав всеобщих свойств индивидуальности — это, как я полагаю, ядро психологии мудрого человека. Убежден, что А.В. Брушлинский находился в согласии с психологией всеобщей индивидуальности и тем самым принадлежал к той части человечества, которая уверенно шагнула в XXI столетие.

...Задача детально проследить жизненный и творческий путь ученого в целом по плечу только его ученикам и коллегам. Я ограничился лишь описанием и анализом некоторых эпизодов из жизни Брушлинского с целью показать, каким человеком был ученый с мировым именем, творец недизъюнктивной психологии субъекта.

*В.В. Белоус,
доктор психол. наук, профессор,
Пятигорск*